

«Пора любви и грусти нежной»

Сборник творческих работ участников
литературно-поэтического конкурса

г. Челябинск, 2008

ББК 84(2Рос=Рус)6(235.55)

П 59

Пора любви и грусти нежной: сб. творческих работ участников литературно-поэтического конкурса / сост. Л.В. Запашикова. – Челябинск: ГУК ЧОЮБ, 2008 – 58 с.

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом ГУК ЧОЮБ

©ГУК «Челябинская областная юношеская библиотека»

«О юность! О надежды!..».

А.К. Толстой

Новые молодые имена. Они появляются каждый год и радуют причудливыми тонами в палитре творческого облика Южноуралья.

Перефразируя строчку из стихотворения одного из современных уральских поэтов можно смело сказать: «Какие россыпи талантов проживают в нашем крае!». И это не преувеличение. Подтверждением тому является литературно-поэтический конкурс «Пора любви и грусти нежной», который проводила Челябинская областная юношеская библиотека в рамках Года чтения.

В конкурсе «Пора любви и грусти нежной» приняли участие почти 300 человек в возрасте до 25 лет. И хотя наиболее активными оказались учащиеся 10-11 классов, порадовали своей заинтересованностью и люди работающие. Среди них: экономисты, педагоги, библиотекари, менеджер, монтажник и др.

Русский драматург и поэт Яков Борисович Княжнин говорил: «Всякий, кто предпринимает писать, обязан исполнить три следующих действия: во-первых, изобрести мысль; во-вторых, расположить оные надлежащим образом; в-третьих, выразить их наилучшим образом». У участников конкурса это получилось.

Стихи и проза каждого из авторов о любви. О любви к родным и близким людям, к родной природе.

Оригинальной поэтикой и системой образов отличаются такие авторы как Ирина Стенникова, Ксения Лаврова, Евгений Кречетов, Татьяна Кожевникова.

Подкупают своей философской ноткой сонеты Ивана Попова.

Очень тонко и лирично передано состояние природы в стихотворениях Владимира Барткова, Ксении Ткаченко, Елены Петряшовой, Елизаветы Боршигоровой.

С любовью и нежностью обращается в своем стихотворении «Ну, бабуля дорогая» самый юный участник конкурса Леонид Денисов, и веришь, что бабушка для него самый близкий и родной человек.

На литературно-поэтический конкурс «Пора любви и грусти нежной» были присланы не только поэтические работы, но и малая проза: рассказы, сказка, эссе. Тематика их очень разнообразная: юношеская любовь, ответственность за близких людей, взросление и другие, но объединяет их всех оптимистический взгляд в будущее.

Творческие работы были рассмотрены профессиональным жюри, в которое вошли поэты: Юрий Фридрихович Седов, Ирина Марковна Аргутина, Возглавила жюри Нина Александровна Ягодинцева. Все являются членами Союза писателей России.

Результаты литературно-поэтического конкурса «Пора любви и грусти нежной» вселяют надежду на творческий рост и профессионализм наших авторов. Так что пожелаем им успехов и новых побед!

*«Поэзия есть огонь,
загорающийся в душе человека».*

Л.Н. Толстой

П О Э З И Я

Метель

Из белого из бархата
А ужаса, а страха-то
Нагнать она смогла!..

Разорваны и спаяны
В единый ком, дыша,
Душа седая Каина
И Авеля душа...

Могучая, ревущая
Лесною темной пушею
Огромная метла...
Огонь не обжигающий,
Горящий – лишь играючи –
Но все-таки сжирающий
Поспешные следы...

Своим глазам не верю я.
Жестокая мистерия,
Холодная мистерия
Растаяла, как дым...

По утрам ни продыха, ни звука.
Наша жизнь похожа на кабак.
Рождены в метаниях и муках,
Мы идем по жизни точно так!

А в душе - удушливо и липко
Все спешим мы к Богу на поклон!
Что ни день - то новая ошибка,
Что ни ночь - то новый страшный сон!

И когда, утрачивая силы,
Отходя от суетных забот,
Мы вдруг станем трогательно-милы,
Уж не те
И мир без нас не тот!

Осколки светлые души
Горстями сыплю на паркет.
Ко мне мечта уж не спешит,
Во мне мечты в помине нет.

Завуалировав слова,
Ниспровергаю пошлость дня.
Неутомимая молва
Все что-то шепчет про меня.

Я всю золу сгребу рукой
И запихну в коробки сна.
Остатки грез, мечты, всю боль
Съест непокорная весна.

Моя душа, как динамит –
Взорвется, всё сожжет, и вот –
Она лишь медленно горит,
Мне, разрывая криком рот.

Наш относительный полет
В тоске о жизни и любви,
Надеюсь, горе не прервет.
Внимательней вокруг смотри!

Будь начеку, тогда мечта
Не испарится словно дым.
Все переменится тогда.
Мы не сгорим!

Зависть к...

Не поверите!
Я завидую
 бездомной кошке.
Прекрасной осанке
 в потрепанной шерстке.
А эти глаза!
Вы бы знали какие!
Ни одна бирюза
 не сравнится с живыми
Кристаллами моря в гордой оправе.
О, если б вы знали!
...Как я завидую кошке,
Которая в небе
 на ветке
Оставляет лишь тень
...в человеке.
Как я завидую этой свободе,
 достойной, беспечной,
Неподвластной деньгам и моде,
 воистину вечной.
Свободной от всяких невзгод,
удач,
поражений,
Свободной
от слова «народ»,
Свободной
от слова «время».
...О, если б вы осознали!
Как,
сидя в разбитом окошке,
Я
 глупо завидую
Кошке.

Научи меня, родная

Ну, бабуля дорогая,
Научи меня, родная...
Все, что можешь,
Все, что знаешь.
Я не буду больше плакать,
Не позволю слезкам капать.
Над учебником склонюсь,
Над собою посмеюсь.
Научусь я быть хорошим,
Научусь я быть пригожим,
Научусь я быть родным,
Научусь я быть твоим.
И не буду больше плакать,
И не будут слезки капать.
Над учебником склонюсь,
Над собою посмеюсь.
Научи меня, родная...

Бабушке

Бабушка, родная,
Ты - как заводная.
Все спешишь куда-то прочь,
Хочет Лёничка помочь:
Пол помыть, полить цветы,
Чтобы радовалась ты.
Отдохни, тебя прошу я.
Все поглажу, в шкаф сложу.
Внучек твой – любви венец,
Похвали, я ж молодец!

У камина

На что часы? Считать, насколько дольше
Мне ждать тебя у старого камина.
Уголья тлеют, и мурлычет кошка,
Ползет по дому тонкий запах тмина.

Я вспоминаю рук немые игры,
Пустой бокал, разорванное платье.
И звезды в тучах прожигали дыры,
Из любопытства в наши окна глядя...

Скрипит крыльцо в давно созревшем лете.
Бегу к двери. Распахиваю. Пусто!..
Лишь с мотыльком впотьмах играет ветер,
А тот мечтает долететь до люстры.

Вернусь к камину. Угольки погасли,
И в мягком кресле растворилось тело.
Мне так хотелось верить: не напрасно
Ждала тебя и на часы глядела.

А дети так чисты и так безгрешны,
Что я боюсь поведать им о бездне.
Скажи, где рай, мой ангел скорбный, нежный!
Дверь не найду, так в форточку пролезу.

Паук измерил угол над камином.
Остывший чай стерпел разбитость кружки.
И повернулись с ниткой паутины
Песочные часы на темном брюшке.

Я буду ждать, покуда дом остынет,
Покуда снег посеребрит рассветы.
Иди к своим языческим богиням.
Их слишком много, ты – один на свете.

Когда-то...

Наверно, когда-то была я Звездой!..
В путь храбрых и смелых вела за собой
Наверно, когда-то ты Странником был,
Всегда мной ведомый, ты ночь проводил.
И в черного неба смотря глубину,
Ты в пропасти видел меня лишь одну.
Не знал никогда ты пленительней света!
А Я тебе ярче светила за это.

Блестит звёздный свет и сейчас серебром...
Взгляни мне в глаза, и ты вспомнишь о том,
Как где-то... когда-то... друг друга любили
Звезда и тот Странник... И счастливы были!

Гаснут алые крылья заката,
На душе моей грусть и печаль,
Мрачных сосен зеленая лапа
Машет дню, уходящему вдаль.

Небо синью густою покрылось,
В полумрак погрузилась земля,
И надежда моя растворилась,
Дверь, закрыв за собой, уходя...

Моё море – без берегов.
Мои карты – без континентов.
Моё слово одно – «Любовь», -
Так сказала моя легенда.

Облачили меня волхвы
В побелевший на солнце саван,
Чтоб, завидев вдали холмы,
Припадал я к шальным травам.

Припадал я к ним, ой, припадал!
Всё лицо было в краске яркой.
А когда на лугах я лежал,
Сердцу этому было жарко!

Открывался закату я,
Наливаясь звериной силой.
Рядом с Богом не раз стоял,
И не раз сидел у могилы.

Я смотрел мотыльков игру,
Улыбаясь волкам безбожным.
У сородичей на пиру
Было мерзко мне и тревожно.

А хотел лишь любовью жить.
Вас хотел привести я к Богу.
Эй, сородичи, как нам быть?!
С кем теперь нам шагать в ногу?!

Эй, волхвы, обновите плащ!
Этот саван изношен напрочь.
Захотелось мне вдруг тепла, -
Зажигаю я солнце на ночь.

Моё море – без берегов,
А на картах - простора сколько!
Моё слово одно – Любовь,
Моя жизнь для неё и только...

Пророчество

Когда закончатся календари
И встанет солнце во зените,
Всё человечество, моли,
Моли, чтоб нам помог Спаситель.

Заветам прошлого внемли,
Попробуй внять им всей душою,
А не получится – беги,
Иль чью-то жизнь спаси собою.

Всего, знай, может и не быть,
Коль по дороге идешь верной.
И помни: знания сокрыть
Ты от себя не должен терном.

Про солнце без солнца

Холодно...
Но вместе с тем и тепло...
Слепит глаза...
Как ярко!
Как светло!
Как радостно!
Даже перчатки не надеваю!
Как хочется посмотреть на него,
Запомнить таким –
Ярким, лучистым и свежим –
Весенним!

Безвременно вдруг в жизни наступает осень:
Не просто в волосах проскальзывает проседь,
Не просто дочка завязать ей бант не просит,
Дочь выросла, вдруг наступает в жизни осень.

И сразу же, в тиши как будто выстрел,
Как осенью деревья сбрасывают листья,
Мы от детей не получаем писем.
Как быстро осенью опали листья...

Но жизнь не кончена ещё. Тревога
Уйдет, лишь надо подождать немного,
В судьбе твоей не задержаться ей надолго,
Сменяется любое время года.

Безвременно уходит в жизни осень:
Теряется вдруг в волосах былая проседь,
И внучке вяжешь бант ты, если просит.
Приходит осень...и уходит осень...

Разделившие всё дороги:
Времена, чувства все и тревоги,
Не расстроив и не растрогав,
Уводила нас вдаль дорога...
Молчаливая, не звенящая,
Уводящая лишь в настоящее,
Только в странную даль уносящая,
К безвоздушным горам восходящая.
Не оправившись от ожога,
Сердце просится вновь в дорогу,
Снова я стою у порога,
Все есть в сердце, но не тревога...

Прошедших дней невидимая кромка –
Границы жизни: альфа и омега...
Из-под сапог доносится негромко
Предсмертный голос мартовского снега.

Как я люблю весны прикосновенье
К душе проснувшейся, и к каждой клетке.
Хрустальный воздух, тихое биенье
Сердец зеленых крохотных на ветке.

Безумный запах голубого неба,
«Барашки» вербы, хулиганство ветра.
Уходит век кошмарного Эреба.
Ну, здравствуй, здравствуй матушка-Деметра!

Как люблю собирать листья,
Что теряет в пути осень,
Запах неба и мир чистый,
Желтый солнечный взгляд в просинь.

Провожая листок взглядом...
И на этом большом свете
Мы с тобою опять рядом,
Мой единственный друг, ветер.

Нежно стелешь ковер пестрый,
На него заглядишь, небо!
Пусть забудется взгляд острый,
И отступит туман в небыль.

Ты – свет среди тьмы ушедших поколений,
Я – тьма незавершающейся ночи.
Я был во власти страха и сомнений,
Но ты мой сон развеяла воочию,
Вернула к жизни, обратила к свету...
Теперь есть цель – я к ней могу стремиться!
Хоть мой вопрос остался без ответа,
Но сам я стал подобным вольной птице.
Освобожден тобой от власти мрака,
Я смог поверить в то, что есть свобода,
Что жизнь – не только мелочная драка,
Что этим миром властвует природа.
Ты – свет среди тьмы, я – тьма во свете дня,
Но ты вернула к жизни вновь меня.

Ты – ангел, что сияет в небесах,
Лишь ты одна хранишь меня от бед.
Я вижу вечный свет в твоих глазах,
И без него мне в жизни счастья нет.
Моя судьба с твоей пересеклась,
И ты навек пленила сердце мне.
Во мне проснулась роковая страсть,
Когда твой лик узрел я в вышине.
Ты всех богинь затмила красотой,
Перед тобой нельзя мне устоять.
Венера не сравняется с тобой,
Тебе подобных в мире не сыскать.
Ты – ангел мой, мой светлый херувим,
И я тобою словно одержим.

*Ты дышишь солнцем, я дышу луною,
Но живы мы любовью одною.
А.А. Ахматова*

Мысли МОИ – загадки ТВОИ:
НЕ РАЗГАДАЕШЬ!
Счастье МОЁ – слёзы ТВОИ:
НЕ ВЫТИРАЕШЬ!

Вопросов стена меж нами стоит,
ТЫ НЕ СЛОМАЕШЬ!
Ответов луна? – над нами висит!
НО ТЫ НЕ ДОСТАНЕШЬ!

Чем же тогда связаны МЫ?
НИТЬЮ ЛЮБОВНОЙ!
Прочна ли она? – не крепче, чем сны,
НО КРЕПЧЕ ЧЕМ СЛОВО!

Лишь улыбнёшься – заплачу вдруг Я,
НО НЕ ПУГАЙСЯ!
Даже почаще прошу для меня
ТЫ УЛЫБАЙСЯ!

Поймаешь МОЙ взгляд и в душу глядишь,
ПОНЯТЬ МЕНЯ ХОЧЕШЬ!
Но отраженье СВОИХ лишь ресниц
ВО ВЗГЛЯДЕ НАХОДИШЬ!

Обнимаешь МЕНЯ – замерзну вся Я,
ТЕПЛО? – ВСЁ ТЕБЕ ЛИШЬ!
Но только ТЕБЯ дотронусь любя,
МЕНЯ ВСЮ СОГРЕЕШЬ!

Сидим МЫ вдвоем, вдвоем: Я и ТЫ –
ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ!
Живём друг для друга, друг другу нужны
КАК ЧЕРНОЕ - БЕЛОМУ!

Ильмены

Здесь деревья стройнее и выше,
 Воздух чище и небо синей.
 Свежим воздухом грудь моя дышит,
 Мои мысли добрей и стройней.
 Все проходит, и скоро расстаться
 Мне с друзьями придется навек.
 Почему мне нельзя здесь остаться?
 Почему скор так времени бег?
 Но я верю, мы встретимся снова,
 Дорогие деревья, цветы.
 Волны озера скажут три слова,
 Что сказать не решился мне ты.

Утро туманное...

Я иду туманным утром
 По тропе нехоженой.
 С неба облако спустилось,
 Влажный гость непрощенный.

Различаю то, что близко,
 Но не вижу далеко.
 Кто-то в воздухе разбрызгал
 Ранним утром молоко.

Солнце яркое восходит,
 Нарушает летний сон.
 От земли тепло исходит –
 Нет тумана. Где же он?

На траву росой ложится,
 В ручейке водой бежит,
 Паром в воздухе кружится,
 В небе облаком летит.

*« ...Поэзия в облаках и
зовет в облака,
а проза приглашает
подойти земною
тропинкою к семейному
дому, и,
сажая гостя на почетное
место,
заводит с ним разговор
душевный... ».*

В.А. Жуковский

П Р О З А

Дождь

Тугие струи ливня подло ударили в спину. Сашка промок до нитки почти мгновенно. Что ж... Зато не жарко.

Май в этом году выдался жгучий, солнечный. Спрятаться от этой всепроникающей жары можно было только в ванной, но не сидеть же там целыми сутками!.. Вот население и маялось: дети – в школах и садах, взрослые – на работе. Распаренные, красные. Пытаясь облегчить людские страдания, деловито жужжали вентиляторы, натужно кряхтели кондиционеры. Детвора носилась с водяными пистолетами наперевес. Все это помогало мало, и даже ночь не приносила страстно желаемой прохлады, лишь густую духоту, густую настолько, что хоть топор вешай.

И вот – наконец-то дождь! С утра небо было безнадежно ясным и слепяще голубым; как вдруг, к восторгу всего населения Ветрогорска, в особенности садоводов-огородников, в рекордно короткие сроки небо затянуло тяжелыми свинцовыми тучами, висящими так низко, что, казалось, тополя скребутся о них ветвями.

Правда, баба Паша, соседка Незлобиных, увидев это великолепие над своей макушкой, схватилась сперва за сердце, а потом за поясницу и сказала:

- Ой, градом побьет!

- Не-а, - уверенно возразил Сашка, только что вернувшийся из школы и стоящий перед своим домом. – Это дождевые тучи. Скоро ливанет.

Баба Паша подбоченилась.

- А тебе говорю, – град будет! – грозно повторила она.

- А вы не каркайте! – невозмутимо посоветовал Сашка, открывая ворота.

- Ах, ты шмакодявка! – вполне натурально возмутилась баба Паша и двинулась к нему. Терпеть наглые слова от какой-то мелочи неполных тринадцати лет, хоть и соседской, хоть и любимой, но все-таки мелочи, баба Паша не собиралась.

Сашка же, благоразумно не став дожидаться, когда артритные, но цепкие пальцы бабы Паши сомкнутся на его ухе, нырнул во двор. Лязгнула щеколда.

Сашка немного постоял, прижавшись спиной к нагретым за день доскам ворот, послушал, как ругается баба Паша. Сбросив пыльные кеды на крыльце, юркнул в дом, где тут же был пойман мамой:

- Дуй в магазин.

- Ну ма-аам!..

- Не мамкай! Купишь полбулки черного и батон.

Он и пошел. Улыбнулся, глядя, как баба Паша из своего окна, смеясь, грозит ему кулаком. Эту сварливую и временами странную бабку Сашка любил. Уж очень много интересного знала старуха, а от вида и запаха испеченных ею ватрушек рот мгновенно наполнялся слюной.

... А на обратном пути из магазина на Сашку обрушилась стена дождя. Перекрутив горловину пакета, чтобы не намочило хлеб, Сашка запрокинул лицо и счастливо зажмурился. Он любил так стоять под дождем.

... Он зашел во двор и потряс головой (во все стороны полетели мельчайшие брызги воды), стянул прилипшую к телу футболку и как следует отжал.

Мама на кухне стучала ножом по разделочной доске, стояла к нему спиной.

Тук-тук. Тук-тук-тук. Хотя морковка превратилась уже в мелкое рассыпчатое крошево, все равно: тук-тук. Тук-тук-тук.

И сразу же Сашкино настроение померкло, съезжилось, стоило ему посмотреть на словно окаменевшую мамину спину. Почему-то вспомнилось то, что у бабы Паши живет чудовищно избалованный кот с булгаковским именем Бегемот, умеющий спиной передавать самые различные оттенки негативного настроения и отношения к окружающему миру и к бабе Паше в частности: обида, презрение, демонстративное равнодушие...

- Мам... - тихо позвал Сашка.

Молчание. Тук-тук. Тук.

- Что случилось, мам? – сын настойчив.

Молчание. Всхлип.

Мама обернулась, аккуратно положив нож на стол, вытерла руки о новый синий в веселенькую ромашку передник, на который вдруг часто-часто закапали прозрачные бусины слез.

- Что, скажите, ну что могло случиться за те полчаса, что меня не было?!

Ма-ма... Ты меня слышишь вообще?

Молчание. Кап-кап-кап.

Мама села и сказала каким-то бесцветным голосом:

- Письмо пришло. От папы. – Она сжала губы в тонкую ниточку, чтобы не расплакаться еще сильнее.

Сашке все уже ясно, но он все равно поднял с пола лист бумаги (почему-то в косую линейку, словно из тетради у первоклассника, вернее, первоклассницы), пробежал по нему глазами. Встал, прижался к маме, обхватив ее со спины руками, и тихо сказал в ухо:

- Его ведь никогда особо здесь и не было, - спокойно произнес он, надеясь заразить своим спокойствием и маму. Отчасти помогло: она, проглотив слезы, удивленно подняла лицо:

- Ты знал?

- Ага... Давно, - сознался он.

- А почему не говорил?

- Расстраивать не хотел. Тебе же нравилось думать, что он просто постоянно в командировках.

- П-партизан, - всхлипывает мама. – И про... сестренку знал?

- Ага... - теперь уже и у Сашки комок в горле.

Мама уже не плачет. Шмыгая вздернутым носом в веснушках, которые она тщетно пыталась вывести (а Сашке нравилось...), она гремит тарелками, накрывая на стол.

Сашке не очень страшно за маму: она сильная, справится. И он ведь правду сказал: отца никогда почти не было дома, так чего теперь убиваться-то?.. Он это понял.

И мама поймет. Со временем.

Сашка смотрит на маму и не может понять, как же отец мог выбрать не ее, а ту?..

Наваливаются воспоминания о том, что было прошлым летом. Страшно подумать, почти год уже прошел...

...Мама тогда на неделю застряла в городе из-за какой-то проверки из столицы, даже домой ночевать не приезжала.

Сашка пару суток промаялся в одиночестве, прополот грядки, вымыл полы с тоски и, взяв школьный расхлябанный рюкзак (внутри – два яблока, полбатона и складной нож), двинулся на станцию. Минут десять простоял в очереди за билетами, передумал и решил ехать зайцем. Ему давно уже было интересно посмотреть и поучаствовать в том, как всей электричкой народ бегаёт от одного контролера. И ведь убегает же!.. До этого он ездил на пригородных поездах лишь с мамой, которая всегда брала билеты, и был лишен этого «удовольствия».

На станции со скучным названием «1045-й километр» Сашка вышел. Оказалось, что и станции, как таковой, не было, только насыпь и платформа. И от нее – узенькая, но утоптанная тропинка вглубь леса. А за лесом – небольшой поселок, чем-то похожий на Ветрогорск. А в поселке – дом, чем-то похожий на Сашкин и мамин. Наверное, покосившимися воротами, широкими окнами и плющом на стенах...

Сашка, стоя перед палисадником, даже испугался, что сейчас из дома выйдет женщина, чем-то похожая на маму...

Но нет.

Ворота старчески скрипнули, и с рогаткой, заткнутой за пояс обтрепанной по низу юбочки, показалась русоволосая девочка лет шести. Девочка, похожая на Сашку.

- Привет, - она прищурилась на солнце и улыбнулась, сверкая дыркой в ровном ряду острых белых зубов. Улыбнулась открыто и безбоязненно.

- Привет, - стряхнув оцепенение, Сашка опустил на корточки, чтобы быть вровень с ее лицом.- Тебя как зовут?

- Саня, ответила маленькая белобрысая разбойница. Сашка мельком подумал, что если ей обрезать короткие, торчащие под разными углами косички и переодеть в шортики, то получится Александр Незлобин шести лет, как на одной из фотографий.

- А ты ко мне пришел? – уточнила девочка.

- К тебе, - кивнул Сашка.

- Тогда пойдем скорей, я тебе Атоса покажу! – просияла Саня и потянула его за собой.

Они галопом промчались по улице, распугивая куриц, завернули за угол и перелезли через забор в чей-то огород. Саня мимоходом ободрала яблоню и вручила Сашке пару пахучих плодов.

- Здесь Тёма живёт, - пояснила она, смачно хрустя антоновкой.
- У него Берта оценилась, и он Атоса отдаст мне. Правда, папа и мама об этом пока не знают, - лукаво закончила Саня и, встав на цыпочки, забарабанила в окно.

Тёмой оказался встрепанный конопатый пацан лет семи-восьми, а Атосом - пузатый лохматый щенок с пятнистыми ушами и одним открывшимся глазом...

Они носились по поселку до заката, и – странное дело – Сашка чувствовал себя абсолютным ребенком едва старше Сани, такой золотистой и залиvisto хохочущей...

Чувствовал себя счастливым...

Пока в конце улицы не показалась женщина в халате и тапочках – видимо, только из дома выскочила.

- Александра! – позвала она. – Мы же договаривались: не дотемна!.. – она увидела Сашку и осеклась.

Саня же, пробормотав «ябольшенебудупростизаигралась», убежала домой, помахав Сашке рукой.

А он даже не ответил, разглядывая эту со смешанным чувством удивления и обиды.

Мышастые волосы, собранные в пучок, неприметное, будто смазанное мокрой тряпкой лицо, приземистая фигура. И застиранный ситцевый халат, тапки-собаки на босу ногу. Эти тапки окончательно добились Сашку – у мамы были похожие, только «далматинцы».

- Ты Саша? Приехал, значит? – спросила эта отрывисто.

- Да.

- А... чего же не зашел? Отец как раз сегодня дома...

- А я не к нему приехал. И уж тем более не к вам. К ней, - он кивнул вслед скрывшейся за воротами Сане, развернулся и отправился на станцию.

Еле успел на последнюю электричку. Вагоны были почти пустыми, и Сашка устало лег на жесткое деревянное сиденье, подложив рюкзак (уже пустой – яблоки и хлеб они с Саней смолотили еще днем) под голову и, попросив сидящего напротив старичка разбудить его в Потанино, уснул...

«Это, значит, семь лет..., - в сотый уже, наверное, раз думал Сашка, рассеянно тыкая вилкой в салат. – Ну да, с тех пор как мне шесть лет исполнилось, он на два фронта... А сейчас что – устал? Выбрал ту. Он ведь, скорее всего, как рассуждал? Сын уже большой, а дочка ещё маленькая. Он поймёт, а она – нет... Ну почему он решил, что Сане отец нужнее, чем мне, почему?!»

- Ты что не ешь-то? – забеспокоилась мама. Она уже почти не плакала, только глаза и нос припухли и покраснели.

- Да чего-то не хочется. Мам, я пойду погуляю, а ?

- Так ведь дождь же...

- Ну и пусть, - Сашка схватил ветровку и умчался. А мама, вздохнув, сняла передник, устало опустилась на стул и снова заплакала.

А дождь все не унимался... Словно заправский барабанщик, он колотил по крышам, по железным подоконникам, вздувал пузырями мутные лужи...

Сашка накинул капюшон и зашлепал по лужам, зачерпывая кедами воду.

«Простужусь и умру», - хмуро, не особенно веря в серьезность своих мыслей, подумал он. Гулять по такой погоде совсем не хотелось, но сидеть дома – вообще невыносимо. Умом-то Сашка прекрасно понимал, что маме сейчас нужно порыдать, уткнувшись в плечо сына, попричитать и все такое... Но Сашка не умел и не любил кого-то утешать, даже и маму. При виде ее (да и вообще чьих угодно) слёз он совершенно терялся и предпочитал куда-нибудь смыться. Что он сейчас и сделал.

Но вот только куда сейчас идти? Домой нельзя, Сашка нутром чуял: уже вызвонена мамой тетя Лена... Если Сашка вернется домой сейчас, то он найдет на кухне початую бутылку вина, два граненых стакана и тихие голоса, давящие своей безнадежностью. А если Сашка вернется часа через три, то мамина подруга уже уйдет, оставив лишь запах легких духов, стаканы будут вымыты, слёзы выплаканы, а мама будет спать одетая, лицом в подушку, на жестком диване, стоящем в зале. Сашка ее разбудит, уведёт в спальню, заставит надеть ночнушку и уложит в постель...

Но это ещё будет. А пока нужно куда-то себя деть вместе со своими поцарапанными коленками, мокрыми волосами и бродящими мыслями...

Можно, конечно, пойти к бабе Паше и послушать что-нибудь о войне, разинув рот и развесив уши. Но баба Паша наверняка еще примется выяснять, отчего у него такой кислый вид.

Можно, конечно, пойти к Славке, посидеть перед монитором компьютера и поубивать время пустыми разговорами... Сашка даже дошёл до Славкиной квартиры и долго терзал кнопку звонка, но никто так и не открыл.

Сашка вышел во двор, покрутил головой по сторонам. Надпись «Почта» на стене серого дома царапнула взгляд. В кармане ветровки нашлось немного мелочи.

- Здравствуйте, - отстояв небольшую очередь, сказал промокший и замёрзший Сашка. - Скажите, пожалуйста, код Теремховска.

Трубку взяли почти сразу.

- Аллоу? – важно спросила Саня.

- Привет, это Сашка, - немного охрипшим от волнения голосом сказал мальчик. - Слушай, ты бы хотела летом у нас пожить немножко?

- А у вас там речка есть? – деловито спросила сестренка.

- Озеро только. Я тебя на велосипеде возить буду, - пообещал Сашка.

- Тогда я не против. Только... - Саня посопела в трубку. – А вдруг мама не пустит?

- Пустит, - в Сашке вдруг поселилась такая могучая уверенность в своих собственных ораторских способностях, в силе своего слова, что он с отчаянной храбростью, наступив на горло своей обиде за маму, сказал: - Дай-ка ей трубочку...

А Дождь танцевал за окном...

«Пригородный поезд»
(Антирассказ)

Когда я учился еще, помню, уехать на вечернем в субботу было проблематично. Касса, злая тетка в окошке, замученная бытом и нудными студентами в длиннющей очереди за билетом в родной город... Определенная смесь романтики железной дороги и студенческой жизни.

А сегодня вагон полупустой. Садись куда хочешь. Можно у окошка, можно на переднее сиденье, где есть столик... Можно на полку багажную забраться. (Знаю я таких товарищей, которые катались, изображая из себя багаж). Раньше места занимали, забивали еще на входе в вагон. И кто первым пробился сквозь толпу, всеми возможными способами пытался занять вперед таких же шустрых ездоков мест по шесть за раз. Битва за места. - Я это так называл.

Сел. Скучно. Радио. В рюкзаке молоко и штрудели с конфитюром. Забавно, раньше как-то получалось пиво и пиво. Все течет, все изменяется, вот видимо я изменился, а пиво утекло. Да и когда я ездил-то последний раз? На Новый год, а теперь считай май - весна. И жизнь уже другая, работа... Alma mater вместе со студенческим братством отдыхают на задворках памяти.

А цель моей поездки была проста и незатейлива, как копейка. Отцу стукнуло 53 года. Невеликая дата. Но кто-то и к этому сроку уже сгорает. Чиркнул по небу едва заметным следом, и исчез. А мой - как бы ни гробила, не била жизнь - идет своей дорогой и во взоре его по-прежнему горит огонь. Замечательный человек, побольше бы таких...

Собственно, везу подарок... Трусы и майку. Вот несколько не смешно. Хоть их тысячу заведи, все равно куда-то исчезают.

К черту банальности и мелочи быта!

Взгляд. Напротив меня сидит. Красивая... Думаю - студентка. Курс наверно третий. Читает. Пригляделся — Ахматову. Все, можно сказать, я умер. Или, если вернее - замер. Это где видано, чтобы в наши времена красивые блондинки в пригородном поезде с умным видом читали Ахматову? Видимо, я так увлеченно занялся решением

данного вопроса, что даже и не заметил, как наши взгляды... Не так. Не встретились. Пропали в бездну.

Она в моих глазах, я в ее глазах - растворились...

А что еще надо? У меня, если что, в рюкзаке Мандельштам недавно поселился. Тоскливо ему думаю там одному. Видел он в реальной жизни Ахматову или нет, я не знаю. В поезде в качестве книг я их познакомил. Ну и себя за одно... Как там дальше поезд шел, где останавливался, я не в курсе. Увольте. Доехал - и ладно.

Сотовый... Всегда со мной помощник и враг в одном лице. У меня на всех джинсах со временем от телефона дыра протирается. За то, что в нем есть будильник, иногда я готов его убить об стену с размаха. Но вот не решусь никак. Может, потому, что однажды в нем остался номер любительницы Ахматовой. Кстати, курс был не третий, а второй. Но это не важно. Важно то, что я ей написал:

Я не сошел с ума и не свихнулся...

Вдруг с юностью, так прожитой давно,

Недавно в поезде столкнулся.

Я жил и видел лишь одно -

Знакомые на остановке лица,

По утрам спешат. Нельзя остановиться...

Я в этой жизни научился злиться,

Приказывать. Я разучился сниться...

Вдруг светлый взгляд! Улыбки вспышка!

Не устоял, и все забыл, во взгляде растворился...

Где я? Кто я? Зачем? Какая остановка?

Я жить не перестал. Я заново родился!

«Пора любви и грусти нежной»

(эссе)

*«Ангелы зовут это небесной отрадой,
черти – адской мукой, люди – любовью».*

Генрих Гейне

Любовь... Красивое и чуткое, печальное и нежное чувство. На самом деле, сколько бы не говорили на эту вечную тему – тему любви, однозначного и четкого определения ей так и не было найдено. Это чувство, неподвластное разуму, рассудку, порой даже здравому смыслу. Иногда даже самые заядлые «нигилисты», отрицающие все на свете, становятся романтиками, испытав любовь. Идеи всей жизни таких людей становятся ничем, ведь любовь была, есть и будет, какие бы нигилисты ее не опровергали.

Чуткая душа поэта, писателя из века в век обращается чувству любви и раскрывает его в слове. И именно с весной связано это прекрасное состояние души. Весна - это время пробуждения природы, пения птиц, яркого солнышка, первых цветов и хорошего настроения. Но не только природа просыпается, просыпаются и чувства людей.

Людям вновь хочется жить полной жизнью, все успевать, быть нужным и полезным, и, конечно же, быть счастливыми. Счастья хотят абсолютно все, а что же такое счастье? Как сказал Маяковский: «Счастье – это когда есть человек, который зажжет для тебя звезду. И счастье вдвойне – когда ты для кого-то этот человек». Если человек влюблен взаимно, то все его существующие проблемы становятся незначительными. Ведь когда на душе весна, все получается само собой. Я думаю, что любовь - это желание жить, желание жить не только для себя, но и для кого-то еще. Любя, ты знаешь, что кому-то нужен, что этот кто-то нужен тебе... Если это так, то все прекрасно, и добавить больше нечего. А если любовь не взаимна? Тогда это страдания, разочарования, разбитые сердца, слезы, надежды и нежная грусть... Почему же так происходит, когда один человек любит, а другой нет? Я считаю, что это не любовь, а ошибка. Мне кажется, что у каждого человечка на Земле есть вторая половинка и, конечно, настоящие чувства должны быть взаимными. Может быть, здесь

существуют исключения, но все же хоть раз в жизни к каждому человеку приходит настоящая любовь. Да. Если верить таким оптимистичным прогнозам, почти все люди должны быть счастливы, любимы, понимаемы. Однако..., вот грустная статистика: распадается каждый третий(!) брак. Это, конечно, ужасно. Почему так происходит? Большинство браков строится не на любви, а на расчете. Это одна из главных проблем человеческих отношений. Говорят, что браки совершаются на небесах, и поэтому бракам по расчету там места нет.

Одинокие сердца, сердца людей, их чувства, мечты и надежды не напрасны. Если сильно захотеть, то можно добиться много, даже того, что казалось невозможным. Если же сидеть сложа руки, удача вам не улыбнется. Удача очень капризна, и не так-то просто ей угодить. Всё-таки пытаться добиться чего-то, если нужно, идти против течения судьбы, бороться просто необходимо.

Я верю, что у каждого человека есть своя судьба, своя дорога, но в то же время наша судьба – в наших руках. Зачастую мы сами распоряжаемся своей жизнью. Кто-то действует разумом, кто-то идет по зову сердца. Когда человек стоит перед выбором, от которого, возможно, зависит вся дальнейшая жизнь, он скорее послушает свое сердце. Так и должно быть, я думаю. Даже самый разумный в мире человек не пойдет против своей души. Все же так часто мы принимаем за убеждение обман чувств или промах рассудка! «Один раз в жизни фортуна стучится в дверь каждого человека, но во многих случаях человек в это время сидит в соседнем кабаке и не слышит её стука», - размышлял Марк Твен. Разумеется, можно легко упустить свою удачу или вовремя её не заметить. Шанс на счастье есть у каждого, но нужно «поймать удачу за хвост». Оглянитесь вокруг – может ваше счастье совсем близко?!

Я искренне хочу пожелать всем и каждому быть счастливым этой весной, летом, круглый год и всю жизнь. Рано или поздно обязательно настанет «пора любви».

Любите друг друга и будьте любимыми – это главное составляющее простого человеческого счастья.

Убежала...

Погожий осенний денек — легкое напоминание минувших каникул. Ветер ворошит листья на земле, то приподнимая на небольшую высоту, то опуская, словно вырисовывая круги в листопадном вальсе. В окно бьет яркий ослепительный солнечный луч, который, как кажется, пытается «юркнуть» в любой уголок и не оставить ни одного места без света. Октябрь - золотая середина не только осени, но и всех времен года. Каждый день кажется воскресным.

Тем временем, один месяц учебы у школьников был уже позади. Что сказать - были и эстафеты, и олимпиады, и праздники, и поездки... И все это за один месяц! Как еще мы успевали учиться? Успевали: и учились, и отдыхали. В классе у нас были такие случаи, когда ученики на занятия выходили с середины сентября, а то и позже. И вот один из таких случаев произошел с моей одноклассницей. Я только сейчас понимаю, что ничего хорошего ей лишней месяц каникул не принес... Я ее все время Полькой называла, и это ей не нравилось, она меня - Веркой. Вот так и учились - в одной школе, а казалось - в разных городах.

- Так, Вера, или ты отвечаешь на телефонный звонок, или я отвечаю, ты меня знаешь! - пригрозила Ольга Петровна (мать Веры)

- Мама, я уже иду! — успокаивающе проговорила Вера.

- Я слушаю, - сказала Вера в трубку телефона.

- Опять ты свой лак пролила мне на стол! - послышался голос из зала.

- Mam, тихо! Алло, Полька это ты? Как отдохнула? Тебя, пожалуй, от коренного жителя Африки не отличить! Шучу! Встретиться? Знаешь, времени нет. Тебя тут не было, а нам вот лабораторную сразу по двум предметам оформлять. Встретиться... - задумавшись, проговорила Вера. - А заходи ко мне сейчас, я тебе покажу материал, который в школе проходим, ты мне про свое «Черноморье у лукоморья» расскажешь. Ну, все, жду!

Спустя полчаса в квартире раздался звонок.

- Вер, - сказала Ольга Петровна,- открой дверь, а то я и так опаздываю на работу.

- Открою, мам, открою, - пробубнила Вера. - Кто же виноват, что ты и по воскресеньям умудряешься работать?

- Кто, кто... Вот если бы этот «кто-то» не умудрялся бы у меня деньги кланчить даже по воскресеньям.

- Не ворчи, я уже открываю.

На пороге стояла Поля, загоревшая, повзрослевшая. Девочки от радости вскрикнули, стали обниматься. Вскоре у двери показалась перепуганная мать Веры.

- Что? Что слу... А, Поленька! Ты приехала! Ну, что вы стоите на лестничной площадке? Заходите скорей в квартиру, а то вы мне так соседей перепугаете. Да, вот еще: я убегая на работу, чайник, девочки, на плите, в морозильнике мороженое. Смотрите, не объедайтесь! Все, я пошла!

Как только Ольга Петровна вышла из подъезда, Вера побежала на кухню за мороженым. Хотя, если быть честным на этот счет, то Вера и Поля никогда не считались лучшими подругами, скорее всего, потому, что они были слишком похожи друг на друга. В некоторых случаях общие интересы не только сближают, но и рознят. Вера и Поля никогда не показывали свою неприязнь друг другу открыто; это были, как правило, сплетни. А на людях они были просто хорошими знакомыми. Зачем Поля позвонила Вере в тот день, непонятно: видно, хотела похвастаться своей поездкой; почему Вера пригласила Полю к себе, наверное, из-за лабораторных работ. Хотя...

Через несколько минут от мороженого и следа не осталось. Девочки уселись на диване и стали рассматривать фотографии с санатория.

- Красота! - воскликнула Вера. - Море... Ты в Минеральных водах была? Классно! А у нас тут тоже не скучно было. Вот, в сентябре школьный КВН проходил.

- И вы заняли первое место с конца...

- Второе с начала! Постой, да вот же фотографии! Это я в роли русской бабки...

- В своем естественном обличе!

- Ну тебя! Так, это наш музыкальный номер...

- А это кто? Спиной еще стоит...

- Славик.

- Не помню такого... Не из нашей школы?

- А вот и нет. Из нашей параллели. Мы в 10 а, а он в 10 б. После КВН подошел, сказал, что я ему очень понравилась. Пригласил на танец, танцевали... Эх! Потом недельки две дружили, а потом я его бросила.

- Почему?

- Не знаю. Станный он какой-то. Серьезный, я бы сказала.

- А у меня тоже...

- Он не для меня. Что? Что у тебя тоже?

- Мне дружбу предлагали.

- Кто, дельфины?

- Не смешно. Вот, он на фотографии.

- А как вы познакомились?

- Он живет неподалеку от санатория в большом доме. Его мать нередко содержит у себя приезжих. Очень добрая женщина.

- При чем тут эта женщина? Рассказывай про него, как его зовут, сколько лет.

- Рома, на 2 года старше меня. По натуре - активист: и поет, и танцует, и шутник забавный. Ни одно мероприятие не проходило без него. Между нами сразу же нашелся общий язык, а за неделю до поездки домой он предложил мне дружбу.

- И что?

- Я убежала... Он нашел меня в саду, посмеялся над моей реакцией. Пришел он за ответом, а я ничего не ответила и снова убежала. Несколько раз он пытался со мной встретиться, но тщетно. Знакомые все подшучивали над нами, и в результате я оказалась сильнее его.

- В каком смысле?

- За день до возвращения домой я узнала, что он уехал в Петербург к родственникам.

- Да как ты могла с ним так поступить? Плюнула на чувства бедного юноши! Да как тебя совесть не замучила?

- А как ты обошлась с этим Стасиком или Славиком? К тому же, этот «бедный юноша» обязательно найдет себе новую любовь. Я у него не первая и не последняя, поверь. Кстати, ты обязана показать мне этого Стасика.

- Славика. Покажу. Давай теперь с лабораторными разберемся.

Дни шли своим чередом. Прошла первая четверть, промелькнула вторая... . Вера и Поля жили в разных мирах, не общались и даже не

думали друг о друге. О своем обещании Вера вспомнила только перед новогодними праздниками и то случайно. В тот момент мимо проходила Поля с учебниками и со стопкой бумаг, о чем-то задумавшись. Вера ее тотчас подхватила под руку и подвела к зеркалу.

- Что-то не так? - с недоумением спросила Поля.

- Нет, - сказала Вера, - смотри, кто стоит возле двери.

Поля переключила свое внимание на дверь, точнее на того, кто стоял у входа. Это был темноволосый парень приятной внешности с какой-то деловитостью на лице. Поля прикрыла глаза, открыла, снова посмотрела в зеркало... Сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди, по телу прошла приятная дрожь. Вскоре из ее рук выпали книги, бумаги, а она стояла и смотрела на того человека.

- Поля! Поля! Тебе плохо? - заторопилась Вера. - Слав, что ты там встал, помоги, мы тут до утра не справимся.

Он приближался. Поля слышала только стук своего сердца и приближение его шагов.

- Помочь? - спросил парниша, которого Вера назвала Славой.

- Нет, стой и улыбайся - это тебе идет, - иронично сказала Вера. - Складывай эти файлы в одну стопку, а те... Ой, что-то я заговорила. Поля, знакомься, это Слава, Слава - это Поля. Ну что встали? Я одна обязана все это убирать?

Но ее не слышали. Слава встретил на себе пронзительный взгляд незнакомки, а Поля встретила, казалось, знакомого себе человека. Что касается Веры, то она не собрала ни одной бумаги и, ссылаясь на какие-то дела, убежала домой. Бумаги были собраны, книги сложены, а Славик и Поля до вечера гуляли по скверу. Какое же это чувство - любовь! Невозмутимое и нежное! И как выразался В.Г.Белинский, любовь прекрасна и истинна по-своему, лишь бы она была в сердце, а не в голове.

Наступила пора экзаменов. В этот раз контрольные работы и зачеты у всех классов (кроме выпускных) прошли незаметно. В школе проходила генеральная уборка: мыли парты, окна, пол. Десятому классу достался свой кабинет и сверх того учительская. Вера намыливала окна, как вдруг за спиной услышала тихие шаги. Это была Поля.

- А, Польшка, ты? - спросила Вера и, не дожидаясь ответа, взяла ведро, собираясь выходить из кабинета.

- Да, Верка, - еле слышно ответила Поля.
- Ты же в классе работаешь, - Вера отставила ведро и принялась слушать.
- Мешаю? Могу уйти...
- Да нет, оставайся, - в этот момент Вера услышала крики с улицы и, забыв про Полю, залезла на подоконник. - Опять первоклассники по клумбам скачут! Козлята так козлята.
- Все равно уйду, - продолжала Поля. - В другую школу.
- Как? - чуть не сорвавшись с подоконника, спросила Вера. - Один год осталось учиться, а она вздумала! Кроме того, к нам из 10 б класса перебросят несколько учеников. Будете со Славкой вместе учиться.
- Не будем.
- Вот в чем дело. Поссорились? Ну, всякое бывает. Да ты плачешь? Что он сделал? Сейчас пойдем разбираться!
- Ничего.
- Так что же это ты? Дружили, дружили...
- Да не дружили мы!
- Как? Я думала, вы встречались...
- Мы просто общались. Каждое воскресенье ходили в кино; один раз на концерт сходили, он - со своими друзьями, я - со своими. А потом он мне дружбу предложил, сказал, что любит.
- А ты?
- Убежала...
- Добегаешься так. То тот, не помню имени, теперь Славик. Я-то думала, он тебе понравился, вспомнить хотя бы день вашего знакомства.
- Про день нашего знакомства. Ты подвела меня к зеркалу, ничего толком не объяснила и показала на Славу. А Слава - это копия Ромы. Я онемела, растерялась, особенно тогда, когда ты его позвала. Поначалу я не расслышала его имени, а потом, когда ты нас познакомила, у меня что-то закипело внутри.... Я ведь подумала, что это Рома ко мне приехал.
- А я даже и не подумала... Так что тебе в Славе не понравилось?
- Я просто боюсь.
- Кого, Славу?

- Нет, чувств. Я его люблю и боюсь в этом признаться не только ему, но, в первую очередь, себе. Любовь... Сейчас мы не общаемся, он не смирился с моим поведением.

- Вот что, голубушка, иди к нему, иди и расскажи о своих чувствах. Эта ситуация зависит только от тебя. Нельзя оставлять ответ в безмолвии. И главное, реши для себя, будешь ли ты все время избегать своих чувств и находиться в постоянных угрызениях совести до конца жизни, или сделаешь такой шаг, который я тебе предложила? Иди, вытри слезы и не молчи.

- Ты права. Все зависит от меня...

На глазах у девочек появились слезы. Это были слезы радости... Вера дружески обняла Полю, и в этот момент она пожелала, чтобы Поля была счастлива, несмотря на все то, что их разделяло в прошлом, а Поля всем сердцем благодарила Веру за ту незабываемую встречу...

Ближе к вечеру небо стало затягиваться тучами, через некоторое время полил мелкий дождь, октябрьский дождь. С улицы повеяло холодом, пришлось закрыть окно. Я уселась на диван, на тот самый, где год тому назад мы с Полей рассматривали фотографии. Поля... Ты была не права. Из двух она оказалась слабее. Почему? Нет, со Славой она поговорила, все, казалось, уладилось. Мы с ней сдружились, она стала чуточку веселее, я - чуточку серьезней. Летом мы ездили на озеро, ходили в кино, вместе гуляли. Славик с Полей и я со своим другом. Мы строили большие планы на будущее, мы радовались жизни. А 1 сентября Поля не пришла. Мне было больно смотреть на Славу. Он терялся в догадках... Я сама ничего не понимала, пожимала плечами. Через несколько дней Слава остановил меня у того зеркала, где я познакомила его с Полей. Его было не узнать: от него веяло какой-то душевной усталостью, от веселого парниши и следа не осталось.

- Слава... - проговорила я.

- Нет, - перебил меня Слава.- Ты это начала, а я это закончу.

- Что именно?- в недоумении спросила я.

- Полина... Она уехала в другой город, учится в другой школе.

Я об этом узнал недавно. Мне она ничего не передавала, ни записки, ни звонка, ничего...

- Я сама это слышу впервые.

- Поверь, Вера, лучше бы я тебя не знал.

- Я в чем виновата?

- Это знакомство... Ведь я ее любил, не побоюсь сказать — и до сих пор люблю. А она... она убежала.

Он и она. Юноша и девушка. Пара. Два человека, шагающих вместе, рука об руку, по дороге и... по жизни. Почему? Судьба? Нет... что-то неверно. Необходимость? Возможно. Но вновь: почему? Я не знаю. Да и кто вообще знает? Есть ответ на вопрос: зачем они вместе? Нет единого мнения и ответа на вопрос: почему? Есть только двое: он и она...

Она всегда поглядывала на других девушек с завистью. «У этой ноги от ушей, у той - волосы, как в рекламе шампуня...». А сама улыбалась редко и как-то так смущённо, будто прощения просила...

Да бывало, что Она поглядывала на других девушек с завистью, но...

- «Я просто не такая как все. Интересная очень. Пусть сейчас парни не смотрят на меня... или не видят меня... Найдётся ещё тот, кто сразу разглядит мою прелесть, мою изюминку. Найдётся тот, кому я стану незаменимой». Так думала Она, и мысли эти утешали её. Заметьте, многие девушки совсем на Неё непохожие, со своими особыми «изюминками» и «прелестями» думают точно так же.

Вот Она и ждала терпеливо, верила и ничуть не сомневалась, что настанет тот час...

И тот час настал. Какое-то неприятное чувство, похоже на смесь омерзения и страха, возникло в ней, когда совершенно неожиданно появился долгожданный ОН...

Он перевидал уже множество девушек: блондинок, брюнеток, рыжих, стройных и не очень, красивых и страшненьких, глупых и умных. Не посчастливилось ему только встретить Её...

Он ко всему привык, точнее со всем свыкся. Он всегда знал, что, когда и как сказать, умел быть таинственным и простым, умел быть героем и мерзавцем, а ещё Он умел лгать и эффективно этим умением пользовался. Ему не удалось научиться лишь ценить... Быть может, потому что ценить было нечего. Девушки были для Него лотерейными билетами, среди которых Он - пока безуспешно - искал выигрышный. Судьба ему не улыбалась. Он уже потерял надежду и стал равнодушным скептиком, когда вместе с первым снегом пришла ОНА...

Их встреча была случайной, их разговор был разговором совершенно незнакомых людей. Однако что-то было не так, как бывает всегда, точнее как раз точно так же, но странно, в сознании у обоих всплыло слово «навсегда». Она почему-то вдруг испугалась, а Он лишь с усмешкой от этого слова отмахнулся. Не было любви с первого взгляда, что ни говори, не было. Было лишь желание более близкого знакомства, и потому за первой встречей последовала вторая...

Мелкий колючий снег сыпал с чёрно-фиолетового декабрьского неба. Он и Она, облитые бледно-оранжевым светом фонарей, шагали по широкой улице вечернего зимнего города. Снег сыпал, покрывая тротуар, дорогу, крыши. Налетал ветер и перемещал снежные массы, белые вихри кружили вокруг Неё и вокруг Него. Было холодно; Они шли, держась за руки; Её пальцы озябли и онемели. Она высвободила руку и, поёжившись, засунула её в карман. Стало лучше, теплее. Он пошевелил пальцами, посмотрел на то место, где только что была Её ладонь, которую Он некрепко держал в своей, устало закрыл глаза, открыл их и последовал Её примеру, тоже убрав руку в карман...

Прошло чуть больше месяца с момента их первой встречи. Погода порядком испортилась, и какой-то неприятный, «извивающийся», вездесущий холод пронзил сероватую землю, прибавив к ней грязно-оранжевые листья, сковал здания, кирпичные и деревянные, железные гаражи...

А внутри у Него и у Неё что-то вертелось, металось и скакало. Это был страх оттого, что всё бывшее потеряно и разрушено, а новое ещё не построено, и желание - непреодолимое желание...чего-то. А чего? Чёрт его разберёт.

Она говорила о разных пустяках, смеялась и смотрела на фонари и светящиеся окна домов. С губ Её не сходила улыбка, чуть тронувшая их несколько минут назад. Иногда Он говорил о любви, но, хотя Ей непреодолимо хотелось это слышать, Она не верила Его словам. Она боялась, потому что успела понять Его, но не могла понять себя. Она пропускала Его речи мимо ушей, смеясь, меняла тему, а в душе всё более и более мрачнела. Он смотрел на Неё не отрывая взгляда, Она знала об этом... Он смотрел на Неё, не отрывая взгляда. Он говорил ей о любви, даже не задумываясь над смыслом

своих слов. Он говорил, как говорил много раз в своей жизни, оттого Ей было больно... Да, Он говорил, но хотелось молчать, просто молчать и внимательно следить за тем, как меняется её лицо. Он думал сейчас две мысли: «Вот девушка. Ещё одна. И она слушает меня, улыбается мне, скоро она будет моей девушкой, а потом... Просто ещё одна девушка». Он знал, что будет потом: их впереди ещё много... Вторая мысль лишь изредка вспыхивала искрой, нарушая Его холодновато-улыбчатое спокойствие; эту вторую мысль Он смахивал с себя, как высохший листок, упавший с дерева: «Лишь одна девушка». Она тоже думала, но меньше. Ей было неприятно. К своему умозаключению Она пришла быстро: «Единственно верное решение таится среди чёртовой пропасти вариантов. «М-да ещё одна девушка. Я не хочу. Так ли я закончу историю...». Снег сыпал с тёмных бездонных небес. Всё сковал холод...

- Поверь мне...
- Ты обманешь.
- Нет, верь...
- Зачем ты говоришь эти слова?
- Я так хочу...
- Но я боюсь.
- Не бойся...
- Тебе легко.
- Нет, не легко, но я стараюсь...
- Зачем стараться?
- Чтоб любить...
- Зачем любить?
- Чтоб жить... поверь мне!
- Как холодно...
- Ты подойди поближе - так теплее.

Они стояли, обнявшись, прячась от ветра у одного из озябших, так друг на друга похожих, серых домов. Он продолжал напряжённо думать две свои мысли, сжимая покрасневшими от холода руками её поникшие плечи... По её лицу катились слёзы и, серебрясь, выстывали на ветру...

- Взгляни на меня...
- Зачем?
- Так надо. Я...

- Не любишь.
- Не люблю... Не знаю!
- Прощай.
- Нет! Я хочу...
- Чего?

- Любить. И я хочу, чтоб Ты любила. Ведь так бывает? Так бывает!

В ту минуту никто на земле не мог сказать бывает так или нет. Никто не знал тогда и никто не знает сейчас. Кто молчал - был прав. Кто сказал - солгал.

Холодный ветер обрывал последнюю, иссохшую листву и выл, качая голые ветви озябших деревьев. Он не верил своим словам, но думал, что нужно сказать их сейчас. Она понимала это и не понимала...

Безграничное небо, высокое и широкое, приковывало взор десятками оттенков: голубых, розовых, бледно-сиреневых, золотистых. Деревья тянули к небу свои ветви-руки. Цвели вишни и яблони; непыльные ещё листва и трава были глубокого и однообразного ярко-зелёного цвета. Город тихо размеренно шумел... По-весеннему серо-коричневая дорога стелилась под Их ногами. Он и Она шагали, держась за руки, сами не зная куда, и мягкое плывущее тепло ласково обнимало Их...

Она обидела Его. Она не хотела - так вышло. Просто не те слова... Но, чёрт возьми! Они шли молча вот уже полчаса, а рук до сих пор не расцепили. Так бывало редко, но бывало. Бывало мучительно, и сейчас мучительно было. Она знала лишь одно: если Он случайно выпустит её руку, то уже не возьмёт вновь по обыкновению. «Я не могу так!» - думала Она. А Он всё шёл молча и угрюмо глядел перед собой. Тогда Она сильно сжала его пальцы... Но Он не ответил, его рука была холодна... И Они шли.

Как из-под земли перед Ним и перед Ней вырос его Приятель, улыбающийся и весенне-лохматый. Приятель этот что-то говорил, но Она не понимала: Она с ужасом наблюдала, как рвётся последняя ниточка, связывающая Его с Ней, как Он подаёт свою руку Приятелю...

Она пошевелила освободившимися пальцами, Она не знала, стоит ли Ей идти рядом с Ним дальше, когда Он не желает говорить с

Ней и теперь уже никак Её не удерживает. Она пошатнулась и сделала шаг в сторону, Он вздрогнул. Она уже не слышала ни шума города, ни звука своих шагов, ни биения сердца... Как вдруг эту глухую тишину нарушил хрипловатый от долгого молчания голос:

- Не делай так больше.

- Я не хотела...

Он обнял Её так крепко, что Она беззвучно выдохнула слова, которые собиралась сказать, так тщательно подбираемые в течение почти часа. Он как-то сжался под тяжестью произносимого очень важного слова, но, произнеся его - будто бы вырос:

- Люблю.

Она вдохнула тёплый, пахнущий цветами воздух и, улыбнувшись, закрыла глаза... Она слышала это впервые...

Их имена и мысли время забудет. Оно запомнит лишь сплетение рук и влажный блеск глаз. Этого будет достаточно.

Нет причин и нет поводов. Есть только растворившиеся в пестрой весенней толпе двое - Он и Она.

Лешкины сны

Лешка не сразу понял, что произошло. Полный рот крови. Сильно болело плечо. Минуту назад он поднимался по лестнице с ведром и шваброй на третий этаж госпиталя. Навстречу, опираясь на костыль, спускался Костя, одноногий пацан. За угловатую, костлявую фигуру, жесткий, злой взгляд, да и за костыль, наверное, пацаны–первогодки звали его Кошеем, но только «за глаза». Нога его осталась в Чехии – так здесь называют Чечню.

Кошей не любил рассказывать о себе и сам хотел все забыть. Но память возвращала и возвращала ему тот день так, как будто видел его чужими глазами со стороны. И опять не видно было солнца: пыль, поднятая гусеницами БМП и удушливый запах солярки взрывы смешивали с каменной крошкой; и все это месиво превращалось в горячий черный смрад, прошиваемый автоматными очередями, цоканьем пуль, взрывами гранат, буханьем мин.

Костя – минометчик: тяжелый ствол, тренога – все это нередко на себе, в горы – военная мужская работа, требующая выносливости и неприхотливости. Еще в учебке он гордился своей военной профессией. Судьба посмеялась над ним: послала смерть из ствола такого же миномета. Глупый кусок металла разорвал, разметал в клочья и куски все на своем пути, а осколок, предназначенный Косте, в пылу боя забыл задание «убить» и то ли пожалел парня, то ли себе решил упростить задачу и, вместо того чтобы влететь в сердце и разворотить, раскурочить до неузнаваемости Костино тело, в долю секунды оторвал ему ногу. С тех пор в Косте жила только боль. Она смыла все, с чем он жил на войне: решимость, отчаяние, страх, надежду... Последнее время боль стала уходить. Она приходила только ночами, но потом потихоньку уползала, и все чаще на смену ей приходила тоска и усталость, и они были еще хуже: хотелось быть по-звериному.

С Лешкой Кошей не разговаривал. Он ни с кем здесь не разговаривал, разве когда стрелял сигареты. С куревом в госпитале было трудно: в отличие от части, сигареты не выдавали: курение вредило выздоравливающим пацанячьим организмам.

Удар костылем в лицо сбил Лешку с ног. От неожиданности он не успел схватиться за перила и отчитал все ступеньки лестницы до нижней площадки. Ведро и швабра с грохотом догнали его. Кошечкой молча развернулся и попрыгал на одной ноге по лестнице.

... Лешке снился сон. День проводов. Пацаны принесли два магнитофона, но их почти не включали. Тренькали на гитаре и курили. Много курили. Утром все пошли из поселка в город в военкомат. Это была традиция: провожать призывника до военкомата пешком. Орали песни. Уже без гитары. У дверей автобуса прощались, обнимались, кто-то сильно ударил по плечу. «Ничего себе, прощание!» – подумал Лешка и проснулся. За плечо его трясла медсестра Таня. Плечо после вчерашнего падения на лестнице болело. Он закрыл глаза: вот бы открыть и оказаться дома.

- Чего жмуришься? Вставай! Швабра ждет!

Леха был «ходячим» больным: на ногах держался, так что лежать по госпитальным законам ему не полагалось, а полагалось мыть коридоры, палаты, выносить утки за лежачими больными, уносить анализы в лабораторию. Да мало ли в госпитале работы! Лешка доплелся до умывальника, брызнул в лицо холодной водой и поплелся к кладовке.

В госпиталь он попал тоже из Чехии, только не геройски, а совсем по-глупому. Отправляли из учебки на три недели. Пацаны понимали, что их готовят к будущему. Несколько часов в дребезжащем вагоне и вот каждое утро его встречало солнце на горизонте, поднимающееся между двух горных вершин.

Лешка даже в письме домой эту красоту нарисовал. Дурак! Теперь родные спрашивают в письмах, где он видел такие горы. Боевых задач не выполняли и геройских поступков не совершали. Дежурили на дорогах: проверяли машины, груз, документы. Были тренировки, марш-броски: через горы, холодные горные речки. Там Лёшка вымок и простыл. Воспаление легких. Уже вернулись в свою часть. По ночам душил кашель, сил не было. В санчасть ротный не отпускал: «Ты здоров!». В воскресенье на кроссе Лёшка потерял сознание. Просто упал на дорожке. Его трясли, поднимали, а он видел сон и не хотел просыпаться: снился дом... Так он попал в санчасть, а потом в госпиталь.

Лёшка открыл дверь кладовки. Здесь было сильно накурено, хоть курить на территории госпиталя запрещалось. Курили совсем недавно: дым не вытянуло, и он клубами плавал в тесной комнатке. Лёшка включил свет и увидел Кощея. Он стоял в облаке дыма, как будто плыл в нём. Костыль валялся на полу, а Кощей стоял на одной ноге. Нет! Он не стоял. Он висел в петле, почти касаясь пола. Лёшка бросился к нему, приподнял костлявое Кошеево тело и заорал: «Кто-нибудь! Помогите!». Кощей остался жив. Ангел–хранитель, которым, может быть, оказалась медсестра Таня, поторопившая Лёшку на работу, отняла у Костиной смерти несколько минут, спасшие его.

Лёшка читал письма от друзей, когда в госпиталь высадился десант бабулек. В письмах было тарактенье на мотоциклах, встречи с девчонками, разборки с городскими парнями. Это была совсем другая жизнь, казавшаяся теперь нереальной и несуществующей.

Бабушки в госпиталь приходили часто. Их здесь знали и даже на КПП пропускали сразу. Они приносили солдатикам иконки, крестики и написанные на листочках молитвы. «Берите, берите, милые! Бог вас сохранит», – перекрещивая пацанов, раздавали они образки. Иконку положили и на кровать Кощею. А Лёшка иконку не взял.

- Не веришь? Или некрещённый? – спросила бабушка в белом платочке.

- Возьми! Вера придёт!

- Нет! Не надо, - помотал головой Лёшка.

Вечером он разносил кашу лежачим. Поднялся на верхний этаж. Зашёл к Кощею, хоть тот ни есть, ни пить не мог и, увидев Лёшку, морщась, отвернулся к стене. В нём опять жила одна только боль. Да и Лёшка старался не смотреть ему в лицо, присел на край кровати там, где оставалось место для несуществующей уже Кошеевой ноги.

- Я сегодня дом во сне видел. Маму, пацанов... У тебя кто дома остался? – спросил Лёшка, зная, что ответить Кощей не сможет: веревка, что сняли с его горла, еще долго будет душить его.

Дома Костю ждала бабушка Наташа, которая растила его с четырех лет и для которой он был не Кощей, а Костик. И ещё его ждала девчонка, которая давно, в той прошлой жизни, брала в руки

его гитару и, подстраиваясь под звучание струн, смеясь, произносила его имя так, как звучит гитарная струна, -Конн-станн-тинни.

А вот мама Костю не ждала. Она оставила его ещё мальцом в деревне, а сама подалась в город, искать работу. Сначала приезжала часто, привозила подарки, потом передавала с деревенскими знакомыми деньги бабушке «для Котика», а потом и совсем пропала. И в армию Костю провожала бабушка.

Да, он мечтал вернуться туда, где вырос, где у дома зелёная трава, а не серые камни, где люди на улице не прячут оружие в складках одежды и где имя его звучит как гитарная струна. Но самое главное: по дороге домой он заедет к матери. Он знает: она торгует на рынке в городе: они с бабушкой пару раз были у неё. Подойдёт молча. Сильный. Взрослый. И она поймет, что это сынок, её - Костик. Обязательно поймёт! Стоп! Всё сломалось. Он не Костик – он Кощей. Он не сильный. Он калека! Инвалид! Урод! Мечты больше нет. Есть только боль. Теперь в нём всю жизнь будет жить только боль. И война. Он всю жизнь будет воевать: с собой, со своей памятью, со своим отчаянием, с чужой жалостью. Только вот зачем он воевал с этим пацаном? Он не враг, он свой: у него своя боль, у него своя война, которой он ещё не знает. Она уже оскаливает на него свои железные зубы и готова загрызть насмерть. Не поворачиваясь от стены, Костя нащупал на койке образок, оставленный сердобольными старушками, и, не глядя, протянул его Лёшке.

Через полтора месяца, в декабрьский ненастный день, эшелон увозил Лёшку в ту сторону, где между двумя горными вершинами утром его встречало солнце. Под стук колёс Лёшка уснул и видел сон. Про дом. В кармане бушлата с ним ехала маленькая иконка, подаренная Костей.

Сегодня я чуть не проехала свою остановку. Со мной такое бывает. Задумаюсь, замечаюсь... Или просто начну считать ворон. Разглядывать пассажиров, петь себе что-то под нос... И сегодня чуть не проехала. Но вовремя очнулась и в последнюю минуту выскочила из автобуса. Сидела на остановке. Вот он – мой дом. Всего пять шагов. Но так не хотелось идти. Хотелось сидеть и просто наслаждаться жизнью. Вдыхать этот весенний воздух. Вам так никогда не хотелось поступить?.. То-то и оно, что хотелось. Музыка в наушниках меня успокаивала, насильно заставляя расслабиться, и я думала, как всегда о чём-то своём далёком...

И тут он появился. Шёл в мою сторону. Присел рядом. Его лицо показалось мне очень знакомым. Где я его могла видеть? Я изредка поглядывала на него с интересом. Могла бы тысячу раз уже спросить, но почему-то стеснялась.

Я долго и мучительно пыталась вспомнить. И вспомнила! Как-то зимой я возвращалась с катка, когда за мной увязались они. Он с двумя приятелями. Хотели познакомиться. Мы почти дошли до моего дома. Болтали именно с ним обо всём на свете. Мне казалось, что я знаю его тысячу лет! Но номер телефона так отчего-то и не дала. Даже имени своего не назвала. Потом уже в подъезде я сидела на подоконнике и думала: почему?.. Чего я испугалась?.. Ведь он такой хороший. И вот... он сидит рядом. Он один. И, естественно, не обращает на меня никакого внимания. Так хотелось сказать: «Ну, чего ты сидишь? Неужели ты меня не узнал?.. Не притворяйся!» Но он даже не смотрел на меня. И я молчала. И музыка в наушниках закончилась. Но мне было лень шевелиться. Я боялась его спугнуть.

Вот он поднялся. Сейчас уйдёт. И я его снова отпущу. Второй раз. И потом снова буду себя винить.... Но, знаете, хотя город и большой – я его наверняка ещё встречу. Ведь в третий раз всё может случиться? Ведь Бог любит троицу?..

А он тем временем дошёл до моего дома, даже не вспомнив, что он мой... и пошёл дальше...

Я им нужна...

Она стояла на перилах моста и смотрела на чёрную воду, поглотившую маленькие камушки, и ей захотелось отправиться за ними...

- Ну что же ты, бестолочь, неучем хочешь стать?! Куда же ты без образования-то сейчас? - кричала мать на восемнадцатилетнее дитё, которое бросило техникум и которого тянуло в армию...

- Да не беспокойся ты, мам, всё под контролем! Вот, может, в армии и останусь... А что, я должен что ли перед этими училками унижаться? - ответил парень, играя на сотовом телефоне....

Мать поняла, что продолжать разговор бесполезно, да и это пустая трата времени и сил, тогда она схватила сумочку и уже было направилась к двери, но тут подлетел младший - Сашка: - Mam, дай стольник!

- Нет у меня денег, понятно?- сказала мать.

Сына этот ответ удивил, потому что мать всегда ему давала, даже если в кармане последние деньги...

-Хватит из меня кровь пить! Этому работать не хочется, он, видите ли, в армии останется, а этот и вообще помогать не хочет, попросишь чаю, а он... В квартире воцарилась полная тишина... Мать взялась за ручку двери и, уходя, напоследок сказала:

- Посуду помойте...

Страшно подумать, что творилось в эти минуты в квартире, братья дрались, тем самым решая, кто будет мыть две кружки и одну чайную ложечку...

А тем временем мать брела по утреннему городу, который лежал в густом тумане. В её голове прокручивался до боли знакомый распорядок дня: на работу, к начальнику на выговор, на работу, на пятиминутный обед, за который нужно успеть сварить супчик, сосисок, купить сладенького и хлеба, но на какие деньги - для неё это пока загадка. Ну а если она не разгадает её к обеду, сыновья будут обвинять её в том, что она о них нисколько не заботится... Ближе к

вечеру, после работы, ей нужно убраться, опять же что-нибудь сварить и заняться большой стиркой. Но вдруг её мысли прервались, она увидела весело шагающую девушку на высоких каблучках, в коротенькой юбочке... И тогда мать подумала, вот хоть бы чуть-чуть забот передать дочке, которой по сути вовсе нет... Девушка весело прошагала мимо, а мать вернулась в свой мир...

Несмотря на утро, город всё ещё находится в полутьме. Мать дошла до магазинчика, в котором она работала и дёрнула ручку... Время 9-00, а в помещении даже свет не горит. Мать вспомнила, что сегодня магазин открывается в десятом. Она поплелась к лавке...

- О боже, в чём же я провинилась? За что ты меня так «награждаешь»?- шептала мать, сидя на скамейке...

Целый час она смотрела на прохожих, которые сливались в общий ритм с оживающим городом. Все куда-то торопились, спешили, разговаривали по телефону, кого-то обсуждали, но только она одна сидела на лавке и никуда не торопилась и ни о чём не думала... Но где-то в одиннадцатом часу наконец-то пришла техничка с ключами и открыла проклятый магазин. Мать вошла, и яркий свет ослепил её...

Тут и прибежали молоденькие продавщицы, которые без умолку о чём-то говорили. Мать переделась и встала за прилавок, а в магазин начали заваливать толпы людей...

День прошёл, как обычно. Ну, вот и всё, магазин закрылся, дальше мучительный вечер, скандалы с младшим о его успеваемости в школе, бессмысленные разговоры со старшим о его работе и армии...

- Как мне это надоело!!!- вскрикнула мать, но проходящие мимо люди даже не обратили на неё внимания.

В этот вечер мать не пошла домой... Она пошла прогуляться по Мостовой... Мать прошла до середины огромного моста и встала, безотрывно смотря в глубь чёрной воды. Она смотрела на воду, и перед её глазами вставали картины из скандалов с детьми...

В такое время на Мостовой много влюблённых или просто гуляющих... Но сегодня тут никого не было. И вдруг мать разжала ладонь и из неё выпала сумка. Потом мать сбросила плащ и ... встала

на перилы, не отрываясь смотря на чёрную воду... Ветер растрепал её волосы, а машины проезжающие мимо забрызгали плащ... Мать пошевелила ногой, и от перил посыпались камешки. Через секунду чёрная мгла поглотила их... Мать закрыла глаза и уже хотела отправиться вслед за ними, но в её голове всплыли воспоминания: на её прошлый день рождения её мальчишки, подработав в трудовом лагере, купили много надувных шариков, на которых написали:

- Мамочка, мы тебя любим!

А после праздника пустили их с балкона. Она вспомнила, как счастлив был Сашка, которому подарили ролики... Мать нагнулась и ... прыгнула на землю!

- Я нужна им...- сказала мать, утирая слезы...

Она подняла шпильку и завязала волосы. Потом повесила сумочку на плечо, подняла плащ и, отряхнув его, зашагала домой, да, именно зашагала, а не поплелась!!!

Как Иван матушку от кощя вызволял

Жили-были в одном селе мужик с женою. И было у них четверо детей: три дочери и сын Иван.

Сам мужик пшеницу сеял, дочери огород разводили, Иван коров пас, а мать знатной вышивальщицей была. Жили они мирно, не тужили.

Как-то раз заехал к ним купец заморский. Просит у хозяйки её вышивания посмотреть. Хозяйка показала рушники, рубахи расшитые. На них деревья цветут, птицы поют, олени пасутся в тучных лугах, девушки хороводы водят, и солнце светлое сияет.

Понравилось купцу заморскому хозяйкино вышивание, и пожелал он купить его за злато-серебро. Подводит купец хозяйку к колеснице своей, вороными конями запряжённой, и показывает ее сундук, полон злата-серебра.

Тут купец хозяйку подхватил, коней своих кнутом стеганул и увёз так быстро, что ветер-ураган.

Горюет, тоскует мужик. Дочери плачут. Говорит тогда Иван:

- «Я в путь-дорогу отправлюсь. Пойду матушку искать, из плена выручать».

Отец ему тогда говорит:

- «Куда же ты пойдёшь, Иванушка. Мал ты ещё. Пропадёшь в пути. Не отпущу я тебя».

Тогда дождался Иван ночи тёмной. Собрал сумочку дорожную. Положил туда кусок пирога, что старшая сестра его напекла; бутылъ с молоком, что средняя сестра надила; да платочек, что младшая сестра вышивала. И отправился свою матушку искать.

Шёл он, шёл всю ноченьку тёмную и дошёл до леса дремучего к рассвету. Стал он по лесу пробираться и к полудню добрался до полянки светлой. Тут и решил передохнуть.

Глядит, а на полянке избушка стоит. Вся мхом и поганками поросла. Нет у той избушки ни окон, ни дверей. Только из трубы дымок курится.

Обошёл Иван кругом избушки и не знает, что делать, как хозяев спросить. Была бы дверь или окошечко, так туда бы и постучаться. Тут зашумело внутри избушки. Из трубы густой дым

повалил, и выскочила из трубы Баба-Яга. Скрюченная, как сухое полешко, черная, как горелая головешка. На пальцах когти кошачьи, один глаз красным огнём горит, другой белым бельмом закрыт. Схватила она Ивана за руку и спрашивает:

- «Ты пошто тут ходишь, вокруг дома моего бродишь?»

А Иванушка ей отвечает:

- «Здравствуй, бабушка! Не ругай меня за то, что к дому твоему пришёл. Дай лучше воды напиться, да передохнуть. А потом я уйду».

- «А куда идёшь ты?»

- «Иду я матушку искать, из полона выручать. Её заморский купец похитил».

Тут Баба-Яга Иванушку схватила, да как скакнёт выше лесу. А потом с неба - вниз, как нырнёт - да в трубу избушки своей залетела и Иванушку за собой утащила.

Усадила она Иванушку на лавку и давай потчевать. Подала ему лягушек варёных, крыс печёных, да квасу из болотной воды.

Иванушка тогда сумку свою дорожную достаёт и вынимает пирог с молоком.

«Чего это у тебя там?» - спрашивает Баба-Яга.

«Вот пирог, его моя старшая сестра испекла, а вот молоко от наших коров, что средняя моя сестра надоила».

Попробовала Баба-Яга Иванушкино угощение и говорит:

- «Ох, знатный пирог и молоко сладко. Помогу я твоему горю. Только ты отдохни с дороги. Ложись вон на лавку, поспи».

Лёг Иванушка на лавку. Тут к нему кот-баюн запрыгнул.

Сидит кот-баюн, песенку поёт: «Шуры-мур, баю-бай,

Спи, Иванко, засыпай.

Шуры-мур, баю-бай

Спи, Иванко, засыпай».

А Иванушка притворился, что уснул, а сам не спит - слушает, да подглядывает. Баба-Яга достала из сундука котёл, налила туда воды, накидала мухоморов и коренья заветные. Стала колдовать - ворожить. Заглянула в котёл и спрашивает:

- «Отвечай мне, Мара-чаровница, Ясуню-Ящеру дочь. Открой одной тебе ведомое. Отвечай - кто вышивальщицу похитил, и куда унёс».

Тут из котла пар пошёл, варево закипело и услышался глас далёкий:

- «Кощей вышивальщицу похитил, унёс её за высокие горы, в терем подземный свой».

Тогда Баба-Яга спрашивает:

«Отвечай Мара-чаровница, Ясуню-Ящеру дочь, как вышивальщицу из полона выручить».

«На дне горы, под теремом подземным, у самой Нави, сокрыл кощей полонянку-вышивальщицу. За каменными дверями, за пудовыми замками томится она. Никто сокрушить их не сможет. В самом тереме полно воинов кощеевых. Никто не справится с ними. А кругом горы той змей огненный летает, никого не подпустит. Нельзя спасти полонянку-вышивальщицу».

Баба-Яга разозлилась и говорит:

- «Уходи Мара-чаровница, Ясуню-Ящеру дочь».

Тут Баба-Яга Иванушку разбудила и говорит страшным голосом:

- «Убирайся вон, Ивашка, не смогу я тебе помочь. Уходи, а то у меня аппетит разыгрался - не иначе сейчас съем тебя».

Испугался Иванушка, через печную трубу из избушки вылез и прочь побежал. А сумку свою дорожную забыл. Баба-Яга после колдовства голодная стала, хотела за Иваном погнаться, да увидела она, что из сумки Иванушкиной платочек вышитый выпал. Схватила Баба-Яга платок, глядит, а на нём узор такой затейливый, что она и глаз от него оторвать не может. Так и осталась она в избе, про голод забыла. Так Иван от Бабы-Яги спасся.

Идёт он по тропинке мимо озера. Вечер уж наступил. Слышит, в камышах-тростниках кто-то на дудочке играет. И такая музыка душевная, что захотел Иван поглядеть, кто это там играет так хорошо. Пробирается он через камыши, глядит, а на камне над водой сидит молодец. Вместо штанов, да рубахи надета на нём дерюжка из камыша плетёная, а усище у него длинные в воду ушли. Заметил молодец Ивана, перестал на дудочке играть и спрашивает:

- «Ты кто, парниша, такой, и куда путь держишь?»

«Меня Иваном зовут, а иду я матушку свою спасать. Её кощей похитил».

«А я Усыня Ветрынь. Хочешь, с тобой пойду, тебе в беде помогу».

Иванушка согласился и пошли они дальше. Заночевали в дубраве. Утром просыпаются, глядят, а не далеко от них богатырь спит. Проснулся богатырь - потянулся, два дуба вековых наземь свалил. Увидел Ивана да Усыня, здоровается и спрашивает, куда они путь держат.

Иван и отвечает:

«Я Иван, а это Усыня Ветрынь. Идём мы матушку мою от кощея спасать».

«А я Дубыня Борусич. Возьмите меня с собой с кощем силой помериться». И пошли они втроём.

Глядят, стоит на горе терем. Выходит из него князь - не князь, царевич - не царевич. Сам он в латах буланных, чешуя на солнце золотом горит. Спрашивает он у путников:

«Кто такие? Да куда путь держите?»

Отвечает ему Иван:

«Меня Иван зовут, это Усыня Ветрынь, а это Дубыня Борусич. Идём мы к кощею матушку из полона вызволять».

«А я Стратилат Громобой. Здесь на горе живу. От кощея колдовства, да воинов его мне давно покою нет. Пойду с вами, проучу кощея».

Взял Стратилат Громобой меч, копьё и щит, и пошли они вчетвером к кощевой горе.

А в ту пору кощей вышивальщицу в темницу посадил, принёс ей ниток золотых, да серебряных, принёс пряжи, что радуги цвет. И велит ей вышить ковёр. И чтоб на нём дева прекрасная была, такая, что очей не отвести, красотой любоваться. Делать нечего, вышивальщица взялась за работу. Семь дней, семь ночей она шила-вышивала. И вышила ковёр с девою прекрасной, как заря утренняя. Кощей ковёр забрал, а вышивальщицу не отпускает, говорит:

- «Ты мне пригодишься ещё».

И пошёл он в гору свою, там достал он зелья колдовские, хочет деву ту на ковре оживить, женою себе сделать.

Тут подходят к кощевой горе Иван, Усыня Ветрынь, Дубыня Борусич, да Стратилат Громобой. А на них вылетает змей огненный. Огнём, дымом пышит, хочет не прошенных гостей пожечь. Стратилат Громобой говорит:

- «Мне огонь не страшен, зарублю змея, а вы пока бегите в терем подземный». И стал он со змеем огненным биться.

Забегали Иван, Усыня да Дубыня в палаты терема подземного, а там воинов кощевых полным-полно. Все белые, как камни голые на горе, все страшные и воняет от них мертвечиною. Достал Усыня Ветрынь свою дудочку-гудочку и говорит:

- «Я их задержу, а вы бегите, матушку из темницы выручайте».

Стал Усыня на дудочке играть. Воины кощеевы заслушались. Стоят, как истуканы. Тогда Усыня другую песенку заиграл, и все воины заснули сном беспробудным, потому как они и так мёртвые. А Иван с Дубыней до темницы побежали, глядят, а там двери каменные и замки пудовые. Тут Дубыня одной рукой замок срывает, а другою дверь каменную крушит.

Открыли темницу, а там вышивальщица горюет. Увидела она Иванушку - сына своего, обняла. Иван и говорит:

- «Пойдём матушка скорее отсюда».

Вышли они на белый свет. А в ту пору Стратилат Громобой змея огненного победил. И остался кощей один без войска своего и змея - охранника. А кощей деву прекрасную с ковра оживил и говорит:

«О, дева прекрасная - как заря. Будь мне женою».

А дева та отвечает:

«Пойду за тебя замуж, ежели корону мне достанешь с края света. Да такую, что ни у королевы, ни у царицы не было».

Кощей обрадовался и отправился на край света, да там и сгинул.

А Иван с матушкой своей богатырей благодарят, в гости зовут. Вернулся Иван домой и матушка с ним. Вот радости-то было. Устроили они пир, позвали богатырей.

Приехал на коне Стратилат Громобой. Старшая дочь его встречает. Сладкие пироги подаёт, зелена вина наливает.

Пришёл и Дубыня Борусич. Средняя дочь его как увидела, так и зарделась вся. Усадила его за стол, мёду подливает, с богатыря глаз не сводит.

Пришёл и Усыня Вётрынь. Младшая дочь ему рубаху вышитую вместо дерюжки подаёт, штаны новые хорошие, вместо плетёных камышевых дарит.

Заиграл Усыня песни весёлые. Все веселятся, пляшут, поют. Славное застолье получилось.

А потом вышла старшая за Стратилата Громобоя, средняя за Дубыню Борусича, а младшая за Усыню Вётрыня. И стали они дружно жить, да добра наживать.

К о р о т к о о б а в т о р а х :

АХМАДЕЕВ Равиль, студент ЧГАУ, с. Архангельское, Сосновский район, 2-е место в старшей возрастной группе (номинация «Поэзия»)

БАРТКОВ Владимир, студент МаГУ, с. Бреды, 1-е место в старшей возрастной группе (номинация «Поэзия»)

БОГДАШКИНА Анастасия, учащаяся 10 класса, СОШ № 28, литературное объединение «Надежда», г. Коркино, п. Первомайский, 2-е место в старшей возрастной группе (номинация «Поэзия»); 1-е место (номинация «Проза»)

БОРШИГорова Елизавета, студентка ЧГАКИ, г. Челябинск, 3 место в старшей возрастной группе (номинация «Поэзия»)

ГИРФАНОВ Владимир, учащийся 11 класса, МОУ СОШ № 2, г. Чебаркуль, 1-е место в средней возрастной группе (номинация «Поэзия»)

ДЕНИСОВ Леонид, учащийся 4 класса, МОУ СОШ № 15, г. Златоуст, 1 место в младшей возрастной группе (номинация «Поэзия»)

ЗЕВАКИН Леонид, специалист коммерческого отдела завода легких конструкций (г. Челябинск), г. Верхний Уфалей, 1-е место в старшей возрастной группе (номинация «Проза»)

КОЖЕВНИКОВА Татьяна, студентка ЧелГУ, г. Карабаш, 1-е место в старшей возрастной группе (номинация «Поэзия»)

КОЛОСОВА Екатерина, учащаяся 10 класса, МОУ «Чесменская средняя общеобразовательная школа» № 1, с. Чесма, поощрительный приз (номинация «Проза»)

КОРЕНЬКОВА Арина, учащаяся 11 класса, МОУ «Гимназия № 127», поэтическое объединение «Тропинка», г. Снежинск, 3-е место в средней возрастной группе (номинация «Поэзия»)

КОРОЛЬ Ирина, учащаяся 9 класса, МОУ СОШ № 4, г. Еманжелинск, 3-е место в младшей возрастной группе (номинация «Проза»)

КРЕЧЕТОВ Евгений, студент ЮУрГУ, г. Златоуст, 3-е место в старшей возрастной группе (номинация «Поэзия»)

ЛАВРОВА Ксения, учащаяся 7 класса, гимназия № 26, студия «Апельсин», г. Челябинск, 3-е место в младшей возрастной группе (номинация «Поэзия»)

МЕЛЬНИК Оксана, учащаяся 11 класса, школа № 42, г. Копейск, 3-е место в старшей возрастной группе (номинация «Проза»)

ОСИПЕНКО Яна, учащаяся 10 класса, гимназия № 26, студия «Апельсин», г. Челябинск, 2-е место в средней возрастной группе (номинация «Поэзия»)

ПЕТРЯШОВА Елена, студентка филиала ЮУрГУ, литературная студия «Автопортрет», г. Златоуст, 2-е место в старшей возрастной группе (номинация «Поэзия»)

ПОПОВ Иван, учащийся 9 класса гимназия № 8, г. Магнитогорск, 2-е место в средней возрастной группе (номинация «Поэзия»)

САЛИЩЕВ Михаил, студент Еманжелинского филиала Первомайского техникума промышленности строительных материалов, г. Еманжелинск, 2-е место в старшей возрастной группе (номинация «Проза»)

СТЕННИКОВА Ирина, учащаяся 11 класса, школа № 1, г. Усть–Катав, 2 место в средней возрастной группе (номинация «Поэзия»)

СТРОГАНОВА Анна, учащаяся 11 класса МОУ СОШ №48, г. Копейск, 2 место в старшей возрастной группе (номинация «Проза»)

ТКАЧЕНКО Ксения, детская школа искусств, г. Чебаркуль, 2 место в младшей возрастной группе (номинация «Поэзия»)

ШВЕДОВА Мария, учащаяся 9 класса, МОУ СОШ № 1 им. И.В. Курчатова, г. Сим, 2 место в младшей возрастной группе (номинация «Проза»)

ЮСУПОВА Элеонора, учащаяся 11 класса, гимназия им. К. Орфа, с. Варна, 1 место в средней возрастной группе (номинация «Проза»)

СОДЕРЖАНИЕ:

АХМАДЕЕВ Равиль	5
БАРТКОВ Владимир	6
БОГДАШКИНА Анастасия	7,21
БОРШИГорова Елизавета	8
ГИРФАНОВ Владимир	9
ДЕНИСОВ Леонид	10
ЗЕВАКИН Леонид	28
КОЖЕВНИКОВА Татьяна	11
КОЛОСОВА Екатерина	30
КОРЕНЬКОВА Арина	12
КОРОЛЬ Ирина	32
КРЕЧЕТОВ Евгений	13
ЛАВРОВА Ксения	14
МЕЛЬНИК Оксана	38
ОСИПЕНКО Яна	15
ПЕТРЯШОВА Елена	16
ПОПОВ Иван	17
САЛИЩЕВ Михаил	43
СТЕННИКОВА Ирина	18
СТРОГАНОВА Анна	47
ТКАЧЕНКО Ксения	19
ШВЕДОВА Мария	48
ЮСУПОВА Элеонора	51
Коротко об авторах	56

Отзывы и предложения можно отправлять по адресу:

Web-сайт в Интернет: www.unbi.uu.ru

E-mail: onbt.@unbi.uu.ru

Ответственный за выпуск: З.П.Сергеева

Составитель: Л.В. Запащикова

Редактор: И.В. Архипова

Дизайн: Н.П. Мащиц

Подписано в печать 2008

Тираж 70 экз.

